

СОИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

...ноль-ноль по-русски может означать
четверть, полчаса и даже час...

Аркадий Львов

(«Инструктаж в Риме»)

Однажды автор этих строк, будучи еще школьницей, совершила непростительную, как выяснилось позже, ошибку. Заканчивая беседу с американским фермером, с которым только что случайно познакомилась, и торопясь на заранее назначенную встречу, я почему-то (от волнения? из-за отсутствия практики?) на прощание выдала «Good day». Потом подумала, что ничего страшного, перепутала прощание с приветствием. Мне приходилось еще сталкиваться с этим человеком, но он со мной больше не разговаривал. И только значительно позже и совсем не из школьного учебника и не от школьного преподавателя я узнала, что *good day* употребляется при прощании, но звучит резко и раздраженно, даже грубо и может быть переведено как «*разговор окончен, до свидания!*», а в качестве приветствия невозможно вообще, в отличие от русского «*добрый день!*». До сих пор помню удивленные глаза американца. Код не оказался «обоюдным», коммуникация прервалась...

В основе любой коммуникации, то есть в основе речевого общения как такового, лежит «обоюдный код» (shared code), обоюдное знание реалий, знание предмета коммуникации между участниками общения: говорящим/пишущим и слушающим/читающим. Именно поэтому знания значений слов и правил грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка, то есть преодолеть барьер культурный.

Иными словами, помимо значений слов и правил грамматики нужно знать: 1) когда сказать/написать, как, кому, при ком, где; 2) как данное значение/понятие, данный предмет мысли живет в реальности мира изучаемого языка.

Предполагается, что большинство слов в разных языках эквивалентны, что в их основе лежит межъязыковое понятие, то есть они содержат одинаковое количество понятийного материала, отражают один и тот же кусочек действительности. На практике слой лексики, который объединяет «эквивалентные» слова, представляет существенные трудности при изучении иностранного языка. Дело в том, что в тех, казалось бы, простейших случаях, когда слова разных языков включают в себя одинаковое количество понятийного материала, отражают один и тот же кусочек действительности, реальное речепотребление их может быть различным, так как оно определяется различным языковым мышлением и различным речевым функционированием.

Сущность культурологического аспекта эквивалентности слов разных языков такова: слово как единица языка соотносится с неким предметом или явлением реального мира, однако не только эти предметы или явления могут быть совершенно различными в разных культурах (например, дом эскимоса, китайца, киргиза и англичанина — это очень разные дома). Важно, что различными будут и культурные понятия об этих предметах и явлениях, поскольку последние живут и функционируют в разных — иных — мирах и культурах. «Разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее... Языки — это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение», - считал Вильгельм фон Гумбольдт.

Если ваша подруга говорит вам, что «собирается учить английский язык», вы прекрасно понимаете, что английский она не учит и нет никаких гарантий, что вообще когда-нибудь будет учить. Русское «собираться» - это такая важная идея, состоящая в том, что, прежде чем что-то сделать, человек должен мобилизовать внутренние ресурсы. Вроде бы нет особенной разницы между «планированием» и, допустим, «намерением», однако совершенно невозможно представить, чтобы мы планировали-планировали, да так и не запланировали. А вот если мы «собирались» что-то сделать, это вполне могло произойти.

Русские очень естественно могут сказать, что человек «собирался» что-то сделать, но так и не «собрался». А уж если человек «собрался», то он, считай, почти уже «сделал». То есть процесс собирания по-русски гораздо более существенная часть действия, чем оно само. Возможно, предполагают лингвисты, это связано с нашими большими пространствами. Не случайно же, готовясь к отъезду, мы именно «собираем» вещи, в то время как англичане их «pack». Мы, конечно, вещи тоже пакуем, но русскому языку важнее, чтобы все было «собрано», а уж упаковать-то мы сумеем.

Расстояние между английским «I am going», которое обычно переводят как «собираться», и самим действием гораздо короче. Если русский часовой на посту ночью закричит прохожему что-нибудь вроде: «Стой, я собираюсь стрелять!» - прохожий вряд ли испугается – когда ещё этот разиня соберется! А вот английское «I am going to fire!» означает, что вы уже под прицелом и курок взведен для выстрела.

Даже с цифрами разные культуры обращаются по-разному. Казалось бы, что может быть формальнее даты? Но и в этом как бы «простейшем» случае межкультурная коммуникация осложнена различием культур. Ведь в американской культуре цифра месяца пишется перед цифрой дня. Поэтому, если ваш заграничный фотоаппарат пишет что-нибудь вроде 03.18.2009, он имеет в виду месяц, число и год соответственно. Сложности с определением даты возникают, когда две первые цифры — до 12: 05.06.2009 может быть 5 июня, если это наша или европейская культура и 6 мая, если американская.

Эквивалентность слов *час* и *hour*, казалось бы, абсолютна, так как их значение терминологично: *час, hour* «единица времени, равная 60 минутам». Однако если вы скажете в международной компании «встретимся через час», то вполне обычным может быть вопрос: «русский час или английский час?» При этом все понимают, что

час в любом языке это ровно 60 минут, но речь идет о различии культурного отношения ко времени. В отличие от русских, в культуре которых нет подчеркнутой пунктуальности и опоздания не только возможны, но и часто культурно обязательны (в гости, на приемы и т. п.), англичане знамениты своей точностью и бережным отношением ко времени. Мы знаем по своему опыту, что в российских учреждениях один час обеденного перерыва может затянуться на неопределенное количество времени. Таким образом, в культурной картине мира у русских и англичан за словами *час* и *hour* скрываются разные понятия.

При сопоставлении большого количества подобных фактов напрашивается вывод, что только соизучение языка и культуры делает возможным полноценное общение на изучаемом языке. В противном случае человек в реальной ситуации общения оказывается беспомощным. «Вступление в новую жизнь, в новую культуру, - это не пустяк. Это не пустяк для тех, кто знает язык, это вдвойне не пустяк для тех, кто не знает языка. Но и те, кто знает язык, фактически не знают его, потому что они учили мёртвый, книжный язык, а здесь живой, напитанный кровью улицы, кровью толпы, язык», - пишет Аркадий Львов, писатель русского зарубежья, о советских эмигрантах в Америке. Они вступали в культуру, в которой отсутствуют понятия «задушевный», «тоска», «воля», зато есть непере译имое на русский «*fair*» – то ли честный, то ли должный, то ли нормальный. И обнаруживали, что мир с «тоской» и «волей» и мир с «*fair*» не слишком похожи друг на друга.

В последние десятилетия социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба привели к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, столкновению, смешению. В то же время научно-технический прогресс открывает все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации. Это вызвало особенно пристальное внимание к вопросам межкультурного общения. Именно поэтому в настоящее время уже невозможно преподавать в школе живые языки как мёртвые, то есть изучать как всего лишь копилку, способ хранения и передачи культуры, и игнорировать мир носителей этих языков. Обучение иностранному языку как средству общения неразрывно сливается с изучением общественной и культурной жизни стран и народов, говорящих на этом языке. Когда вы соберетесь сказать «*Good day*», определитесь, *кому, когда и где...*